

**ДАНИЛ
КОРЕЦКИЙ
СЕРГЕЙ
КУЛИКОВ**

Перстень Иуды

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К66

Подписано в печать 09.10.14г.
Формат 70х90/32. Усл. печ. л. 23,52
Доп. тираж 3000 экз. Заказ №

Оформление обложки дизайн-студия «Графит»
Дизайн – Я. Половцева

Корецкий, Данил

К66 Перстень Иуды/ Данил Корецкий, Сергей Куликов. – Москва: АСТ, 2014. – 444, [4] с.

ISBN 978-5-17-079378-5

Битвы, заговоры, интриги, покушения, дуэли, убийства и ограбления, уголовный и политический сыск... В центре запутанных и «острых» событий – перстень Иуды Искарюта, который переходит в веках от одного владельца к другому – от римского легионера, до ростовского налетчика 20-х годов, и до ответственного сотрудника НКВД 30-х. Он наделен недоброй силой и на первых порах приносит своему владельцу удачу, но потом требует предательства, а в конце концов, приводит к мучительной смерти. Только что такое предательство? Многие оправдывают свои поступки, и даже Иуда считает, что никого не предавал. И насколько могуществен этот перстень? Только ли он заставил своего владельца поступить так, а не иначе?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Корецкий Д.А., 2013
© Куликов С.А., 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Пролог

Солнце еще не набрало летней силы и не превратилось в раскаленную золотую мину с профилем Клеопатры, скромно поблескивая на синем куполе небосклона серебряным шекелем. Такие сравнения появились в голове с тех пор, как Учитель доверил ему кассу, вроде как назначив одновременно казначеем и ответственным за хозяйство. Впрочем, ни золотых мин, ни серебряных римских динариев или греческих драхм, ни даже иудейских бронзовых прут в висящем на груди денежном ящике Иегуды не было: там звенели медные ассарии, ко́дранты и лепты¹... Простой народ беден — и в Галилее, и в Самарии, и здесь, в Иудее. В родном Кириафе он сам если и жертвовал, то только мелкие монеты.

Правда, даже если какой-то дородный и важный купец бросал в ящик свою жертву, то это тоже оказывалась всего-навсего бека или несколько гер². Хотя он и обтягивал свои чресла красивыми одеждами из нежной невесомой ткани, умащивал бороду драгоценными благовониями, а пальцы унизывал толстыми золотыми перстнями с разноцветными камнями, да еще менял одежду по несколько раз в день...

А он, Иегуда, уже несколько лет ходит в грубой и тяжелой хламиде из верблюжей шерсти, опоясанный обычной веревкой, сменившей за эти годы белый цвет на черный. Такие же одежды на Петре, который идет слева, опираясь

¹ Мины, шекели, динарии, драхмы, пруты, ассарии, ко́дранты и лепты — монеты различного достоинства.

² Бека — монета в половину шекеля, содержащая 10 гер.

на посох, и на Фоме, раздолбанные сандалии которого топчут каменные плиты Нижнего города справа.

— Истинно говорю, братья, все богачи жадны до денег, — сказал он, обращаясь вначале к Петру, а потом переведа взгляд на Фому. — Иначе почему они жертвуют так же, как бедняки?

«Серебряный шекель» в небе все-таки пересилил горную прохладу северного ветра, и он откинул капюшон, открыв узкий череп, поросший густыми, черными как смоль волосами, худошавое лицо с запавшими щеками, остроконечной бородкой и узкими, обрамляющими тонкие губы усами. Длинный, узкий нос, высокий лоб, развитые надбровные дуги, глубоко посаженные глаза. Правый был жгуче-черным, а левый — прозрачно-синим. Некоторые считали, что он симпатичен и похож на Учителя, но разные глаза портили впечатление, недоброжелатели вообще называли его уродом.

Спутники тоже откинули капюшоны. Петр был крупнее и выше Иегуды, с лицом жестким и суровым, как камень, а Фома на голову ниже, потолще, с круглыми щеками. Он был похож на сдобную булочку с глазами-изюминками.

— Каждый дает, сколько может дать, Иуда, — сказал Фома. — Вспомни слова Учителя: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне...» А ты нарушаешь этот завет...

Петр ничего не сказал, он посторонился, уступая дорогу трем римским солдатам, которые были без шлемов, но в кожаных нагрудниках и при коротких широких мечях с грубыми деревянными рукоятками. Его прямой взгляд внимательно осмотрел простые, без всяких украшений мечи, которые принесли славу Римской империи, доказав, что победы зависят не столько от оружия, сколько от силы духа и организации войска.

— Люди дурны по своей натуре, их жадность тому подтверждение, — после минуты обиженного молчания про-

изнес Иегуда. — Каждый совершает мерзкие поступки или даже преступления...

— А хорошие люди тоже дурны? — спросил Фома.

— Конечно. Только они умеют скрывать свои дела и мысли, — кивнул Иегуда. — Но если такого человека напугать хорошенько или выпросить хитростью, то из него потечет всякая неправда, мерзость и ложь, как гной из проколотой раны.

— А ты разве хороший человек, Иуда? — прищурился Петр. — Ведь ты симулируешь болезнь, когда надо работать, ты бросил жену, и она бедствует, ты сквернословил про всех, даже про своих родителей. Только про Учителя ты ничего не говоришь вслух. Но корчишь такие гримасы, что можно угадать твои дурные мысли! Отчего так?

— Оттого, что Иисусу не нужны сильные и смелые ученики, — с горечью сказал Иегуда. — Он любит глупых, предателей, лжецов...

— Ты постоянно лжешь и злословишь, разве это может понравиться Учителю? — возразил Фома. — За что тебя любить?

— Ты даже утаил два динария из общей казны! — сурово добавил Петр. — Вспомни сказанное Учителем: «Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего...»

Иуда вздохнул и снова накинул капюшон, словно вдруг подул холодный пронизывающий ветер с горной гряды.

— Я знаю, вы все меня не любите, — горестно произнес он. — Ведь те два динария я отдал блуднице, которая не ела несколько дней! Видишь, даже мои добрые дела получают злую оценку...

Они прошли каменную арку и оказались на рыночной площади, сразу окунувшись в бурлящий водоворот людей, вещей и денег, в особую атмосферу азартной купли-продажи. Яркие матерчатые пологи бросали спасительную тень на заваленные товарами прилавки. Остро пахнуло специями: закутанный в белую накидку финикиец

вел верблюда, груженного большими мешками с корицей и кориандром. Десятки таких мешков стояли вдоль торговых рядов, наполненные орехами, миндалем, пшеницей и чечевицей.

Вокруг шумела разноязычная речь: важные египетские купцы выставляли хитоны из тончайшего льна, бронзовые лампы, раскрашенных охрой каменных скарабеев; юркие греки расхваливали сложные астрономические приборы, керамические вазы, отрезки красивых тканей; черные нубийцы в красных фесках и набедренных повязках продавали статуэтки из такого же черного эбенового дерева, веера из страусиных перьев, поделки из слоновой кости и чудодейственное лечебное снадобье из толченого рога носорога; степенные сирийцы предлагали ножи из дамасской стали... Справа лежали на прилавках грубые и колючие слитки железа из Индии, тут же кузнец разложил замки с массивными ключами, треугольные лопаты, серпы, рядом горшечник выставил глазурованные горшки, а стеклодув хвастал редкой и дорогой стеклянной посудой, рядом с ним сидели мироварщики со своими благовониями...

На площадке посередине продавали рабов: толстый самарийский купец увлеченно ощупывал тугую грудь совсем юной чернокожей девушки, работорговец заставлял атлетически сложенного нубийца напрягать мощные мускулы. Все громко расхваливали товары на родных языках, а покупатели так же громко торговались, пытались сбить цену, отчего на площади стоял постоянный гул, будто прибой бился о скальную гряду.

— А ты много ли сделал добрых дел, Иуда? — со скрытой насмешкой спросил Фома, и ему пришлось повысить голос.

— Много. Только вы их быстро забываете, — Иегуда гордо выпрямил спину. — Помнишь, как я предостерегал от входа в Иофу и умолял обойти это селение? Но вы меня не послушали, и нас хотели побить камнями! Кто выручил всех тогда?

Суровое лицо Петра смягчилось, на губах мелькнула тень улыбки.

— Да, помню, Иуда бросился на зачинщиков, он так кричал и ругался, плел такие небылицы и так кривлялся, что вызвал смех толпы, и мы смогли выбраться невредимыми...

— Но я не дождался благодарности ни от учителя, ни от вас! — взволнованно вскричал Иегуда. — Никому не нужны правда и справедливость!

— Может, оттого, что ругань мало похожа на правду, а смешные ужимки мало похожи на справедливость? — усмехнулся Фома. — Но никто не отрицает, что ты спас Учителя своими ужасными гримасами!

— Не я его спас, это не мои гримасы! Вероятно, его спас Сатана, который научил меня кривляться, корчить рожи и изворачиваться перед разъяренной толпой! — Иегуда тыльной стороной ладони вытер выступившую на губах пену.

«Серебряный шекель» вдруг скрылся за невесть откуда взявшейся тучкой и вмиг перестал греть. Тут же налетел резкий порывистый ветер, закрутивший и взметнувший вверх кучи рыночного мусора.

Они как раз подходили к мясным рядам. Слева продавали мясо, справа — птицу. На прилавках лежали ошипанные тушки кур и гусей, в больших клетках беспокойно бились голуби и куропатки.

Иегуда немного успокоился.

— Надо выбрать самого свежего агнца...

— Лучше купи голубей или гуся, — предложил Петр. — Мы давно не ели птицу.

Иегуда покачал головой.

— Нет. Учитель обмолвился, что алчет ягнятины. И еще я куплю ему лучшего самарийского вина! А вы пейте финикийское, оно дешевле...

Петр и Фома переглянулись.

— Ты очень стараешься понравиться Учителю!

Иегуда хотел что-то ответить, но не успел.

— Простите, пытливые странники, — раздался сзади густой баритон. — Вы ведь из свиты Царя Иудейского? Могли ли я присоединиться к вашей высокоученой беседе?

Все трое обернулись. Перед ними стоял чужестранец с темным худым лицом, крючковатым носом и бездонными черными глазами. Он был одет ярко и необычно. Облегающий, с золотой нитью черный камзол, красная, с выгнутыми полями шляпа с петушиным пером, невиданные тяжелые башмаки с пряжками и обрубленными носами. На боку висел диковинный меч — узкий, длинный, ножны с позолотой, причудливо изогнутый эфес, витая рукоять... На руках длинные, с отворотами перчатки из телячьей кожи тончайшей выделки, прямо поверх перчаток надеты перстни с огромными сверкающими камнями. Такую одежду и оружие не знали ни в Самарии, ни в Иудее.

Странствующий лицедей? Но у бедных актеров нет столь дорогих вещей!

— Наш Учитель не имеет свиты, — ответил за всех Фома. — И он не любит, когда его так называют. Мы верные ученики своего Учителя, только и всего.

Чужестранец кивнул и учтиво поклонился.

— Позвольте пригласить вас в ближайшую корчму и славно пообедать за приятным и познавательным разговором.

Троица переглянулась.

— Что такое корчма? — спросил Фома.

Незнакомец указал рукой в тонкой перчатке на лавку мясника, в которой жарили мясо.

Петр посмотрел на Фому, Фома на Петра. Оба синхронно покачали головами.

— У нас сейчас диспут с фарисеями, — Петр всегда говорит твердо и громко, поэтому его никогда не пытаются переубедить. — Мы не можем опаздывать!

Не взглянув на Иуду, оба повернулись и пошли своей дорогой. А тот расценил это как жест пренебрежения и обиделся в очередной раз.

— Товарищи презирают меня, — в сердцах пожаловался он чужестранцу. — Потому что Учитель подает им пример. А ведь вначале он хорошо принял меня и даже отметил своим доверием...

Они протискивались сквозь кричащую ораву зевак, окруживших место петушиных боев. Крупные птицы с прикрепленными к лапам лезвиями остервенело наскakивали друг на друга, их яркие, отливающие металлическим блеском перья были покрыты кровью, словно доспехи гладиаторов. Вокруг бесновались возбужденные зрители. Чужестранец выставил вперед руку в перчатке, и она, словно форштевень галеры, разрежала толпу, открывая проход. Иегуда как замороженный смотрел на сверкающий камень, который переливался всеми цветами радуги. Наверное, бриллиант... У него никогда не будет такого...

Подойдя к окруженной аппетитными запахами лавке, они сели за один из стоящих рядом столов.

— Почему же так изменился твой Учитель, о любезный Иуда? — с искренним интересом продолжил прерванный разговор чужестранец.

— Не знаю, — тот пожал худыми плечами. — Но знаю, после чего это произошло. Однажды мы приблизились к Аохе, о которой я слышал только дурное, и, опасаясь беды, попросил не заходить туда, но меня не послушали. Вопреки опасениям жители встретили нас довольно радушно, и все товарищи корили меня наговором. Но после того, как мы ушли, Фома вернулся. И оказалось, что одна старуха обвинила Учителя в краже козленка! И хотя козленок нашелся, жители Аохи все же решили, что Иисус обманщик или даже вор. Истинно говорю: с этого дня изменилось отношение Учителя! Когда он беседует с учениками, то на меня не смотрит, но все слова как будто направлены против Иегуды. В своем пренебрежении даже мое имя они произносят неправильно!

Чужестранец внимательно смотрел на его рот и жадно впитывал вылетающие из тонких губ слова.

— Если всем Христос представляется благоухающей розой, то мне остаются только острые шипы, — закончил свое печальное повествование Иегуда.

— О-о-о, — сочувственно наклонил голову незнакомец, и перо на его шляпе многозначительно качнулось.

Уши у него были нечеловеческие: грубые и волосатые, как у зверя. Наверняка и остроконечные, только сейчас концы заправлены под шляпу.

— Мне такое известно. Мир полон несправедливостей, и всегда они направлены против наиболее порядочных и честных личностей!

— Да, вы правы, — согласился Иегуда, удивляясь, насколько быстро и точно разобрался в ситуации чужестранец. — Люди в большинстве своем глупы и завистливы...

Наконец подошел мясник, и незнакомец заказал жареных цыплят, свежие овощи, соленые оливки и лаваш. Вина в лавке не подавали.

Помощник мясника — молодой парнишка в довольно чистом белом фартуке, ловко насадил пару цыплят на вертел и, ладонью проверив жар, установил над углями.

— Все дело в том, что ты оказался прозорливее своего Учителя, — продолжая прерванную мысль, произнес чужестранец. — Даже талантливым и сильным людям свойственны низменные чувства: ревность, зависть... Он просто опасается тебя и задвигает подальше...

Иегуда замотал головой, как своенравный конь, которому неожиданно надели узду.

— Нет, нет, я не могу сравниться с Учителем! И никто другой не сможет с ним сравниться! Он наделен высшей силой, он совершает чудеса! Однажды он сотворил вино из воды. И это было чудесное вино!

— Я вижу, что ты почтительный ученик, благородный Иуда! — чуть улыбнулся чужестранец. — Но ведь это очень просто. Сотворить вино может каждый. Я имею в виду — почти каждый, достигший определенной степени мастерства. Лично я делал это неоднократно на разных витках

истории... Рислинг, токайское, шампанское... Да, впрочем, к чему пустые слова!

Он вынул из-под одежды блестящий буравчик и, зажав между ладонями, принялся сверлить столешницу. Витая стружка скользила вдоль сверла, потом показалась тонкая струйка дыма, запахло свежим деревом. И вдруг из просверленной дырки ударил фонтанчик ароматной розовой жидкости.

— Лучшее самарийское вино! — торжественно объявил незнакомец, подставляя невесть откуда взявшийся бронзовый стакан. — Попробуй!

Он протянул украшенный тонкой резьбой сосуд Иегуде, тот пригубил.

— Да, оно превосходно!

За манипуляциями чужестранца с интересом наблюдал сидящий за соседним столом плотный мужчина в черной накидке, с разбойничьим, покрытым оспинами лицом и серьгой в ухе.

Молодой человек в белом фартуке принес аппетитно подрумяненных цыплят, овощи, оливки и лаваш. Увидев, как посетитель наполняет стакан в бьющем из стола фонтанчике, он испугался и мгновенно исчез. Иегуда и чужестранец принялись за еду, обильно запивая ее вином.

Рябой мужчина в черной накидке встал, подошел и заискивающе улыбнулся.

— Хороший фокус, господин! — скрипучим голосом произнес он. — А вино настоящее? Может быть, и мне удастся его отведать?

Чужестранец нехорошо рассмеялся.

— Конечно, Гестос!

И, наполнив второй такой же стакан, только попроще, который тоже появился ниоткуда, протянул его рябому.

— Откуда ты знаешь мое имя? — насторожился тот, все же принимая угощение.

— Я все знаю, Гестос. И про дом булочника, и про того купца из Назарета...

Изменившись в лице, мужчина залпом осушил стакан, вытер рукой мокрый рот.

— Опять фокус? Тогда налей еще! — в голосе появились требовательные, почти угрожающие нотки.

— Пей сколько хочешь, твой стакан не опустеет, — продолжал смеяться чужестранец.

Он разрывал цыпленка, так и не сняв перчаток. Камни в его перстнях сверкали — один бело-голубоватым, другой синим цветом. Иегуда не мог оторвать от них глаз. И сотрапезник перехватил его взгляд.

— Нравятся? Скоро ты сможешь носить замечательный перстень! Если, конечно, решишься сделать то, что должен...

— А что я должен? — рассеянно спросил Иегуда, переводя взгляд на Гестоса, который вернулся на свое место и раз за разом опустошал стакан, который тут же вновь становился полным. К их столу подходили и другие страждущие, каждый раз из дырки в столешнице начинал бить фонтанчик вина, и желающие беспрепятственно наполняли глиняные чаши и кувшины.

— Ты сам знаешь. Эта мысль не раз приходила к тебе во сне и наяву. Но ты боишься ее и гонишь прочь...

— Какая мысль? — повторил Иегуда. — Что сделать?

— Передать своего неблагодарного Учителя в руки властей! — сурово сказал чужестранец. Он уже расправился с цыпленком, от которого осталась только кучка костей. — За это положена награда!

— Что ты, что ты! — испугался Иегуда. — Он воистину велик!

— Ты же видел, с какой легкостью я повторил его «чудо»! Хочешь, сейчас здесь появится и французское вино?

— Какое? — не понял Иегуда, но тут же махнул рукой и вытер жирные пальцы о свою хламиду.

— Я умолчал о главном чуде! — торжественным тоном произнес он. — Учитель оживляет мертвых!

Но чужестранец не удивился и не впечатлился.

— Это такое же чудо, как умертвлять живых. Смотри!

Гестос пил очередной стакан, как вдруг поперхнулся, закашлялся, вино струей вылетело из его глотки, и он рухнул замертво на пыльную землю.

— Что с ним?! — Иегуда отставил недоеденного цыпленка.

— Разве не видно? Произошло чудо умерщвления, — спокойно объяснил чужестранец. — Он выпил отраву!

Иегуда в ужасе вскочил, рассматривая пьющих вокруг людей и трогая себя за горло.

— Не бойся. Яд был только в его вине! И это еще одно чудо!

Ноги подкосились, Иегуда тяжело плюхнулся на лавку.

— Но... Но разве можно так поступать с людьми?!

— С Гестосом можно. Он совершил столько разбоев и убийств, что давно должен быть распят на Голгофе!

Странный чужестранец встал.

— Мне пора. Сотвори то, что должен, и сомнения оставят тебя навсегда!

Он повернулся, сделал несколько шагов и скрылся из виду. Либо каждый шаг его был длиной в стадий¹, либо он провалился под землю.

И тут же разошлись тучи, выглянуло солнце, улегся ветер, опали гуляющие по площади смерчи из рыночного мусора. Вино перестало бить из дырки в столе, пьющие неподалеку люди удивленно заглядывали в опустевшие глиняные сосуды. Только мертвый Гестос лежал в прежней позе, подтверждая чудо превращения живого в неживое. Над ним суетился мясник, вокруг собирались зеваки.

— Я дал бы ему Иегуду, смелого, прекрасного Иегуду! — воскликнул хранитель денежного ящика. — А теперь он погибнет, и вместе с ним погибнет и Иегуда!

Иегуда поднялся и пошел. Он забыл про закупки продуктов и про диспут с фарисеями. Ноги сами несли его в синедрион.

¹ Стадий — мера длины: 178,6 метра.

* * *

В пятницу задул удушающий, обжигающий хамсин из Аравийской пустыни, накрыв Ершалаим то ли сухим туманом, то ли пыльной мглой. Этот страшный, мучительный ветер, который называют «ливийским флейтистом», был под стать страшному Дню несправедного суда. Хамсин, как дьявольская флейта, вызывает удушье и головную боль, припадки и вспышки ярости, он толкает на измену, клятвопреступление и пролитие крови. Его влияние так велико, что судьи зачастую смягчают наказание преступнику, который плясал под эту дьявольскую мелодию.

Но Иегуде не удавалось переложить вину на хамсин, да он и не пытался это сделать. В безысходной тоске бывший казначей бродил по крутым узким улочкам, терзаясь болью, разрывающей мятущуюся душу. Дымка заволокла окрестные горы, но, возможно, их силуэты размывали и едкие слезы. Сгущалась багровая мгла, выпадала кровавым дождем, и он даже не понимал, что это хамсин принес красную пыль из Сахары.

В глазах мелькали тусклые шлемы воинов, ворвавшихся в Гефсиманский сад, блики чадающих факелов, небритая щека Иисуса, которую он поцеловал в последний раз, крики черни и колья в грязных руках... Ученики разбежались, как трусливые собаки, только они с Петром пошли следом за солдатами, увозящими связанного Иисуса. Но потом Петр дрогнул перед стражниками и отрекся от своего Учителя. Только он, Иегуда – самый верный и преданный ученик, сопровождал его на всем скорбном пути.

Он видел, как ночью солдаты били Христа в караульне, ужасался и ждал: они вот-вот поймут, что истязают самого лучшего из людей, преклонят колени и с извинениями отпустят, но вместо этого на Иисуса надели терновый венок, и струйки крови расцветили его измученное чело. Он шел за Учителем, когда его, избитого и окровавленного, выволокли из караулни и вели сквозь неприязненно

молчаливую толпу. Он видел суд Пилата, с ужасом слышал крики толпы: «Смерть ему! Распни его! Распни!» — но не понимал, что происходит и за что требуют предать Иисуса мучительной смерти. Разве тот не учил этих людей, не исцелял их, не оживлял их родственников, не кормил досыта пятью хлебами?! Он был рядом с Христом на Голгофе, слышал глухой стук большого, бесчеловечного молотка, видел его последние страдания и глумливую табличку: «Царь Иудейский»...

И вот он зачем-то пришел в Верхний город, сжимая за пазухой в стиснутой судорогой руке кошель с тридцатью шекелями, вышел на площадь у стены дворца царя Ирода и шел вдоль лавок, где ремесленники продают ковры и одежду, пекут лепешки, жарят на углях мясо и кукурузу... Но от аппетитных запахов его тошнит, приходится делать усилие, чтобы не вырвало...

Незнамо как Иегуда наткнулся на лавку ювелира. У того худое демоническое лицо, черный хитон, черная шапочка, один глаз закрыт черной повязкой. Он манит бывшего казначея костлявым пальцем с длинным ногтем и неожиданно говорит ему:

— Не жалей, что сделал. Жалость — от слабости. Ты стал богатым — радуйся! За деньги можно купить все. Дай мне серебро, я сделаю то, что успокоит твою совесть!

Иегуда безразлично протягивает кошель. Ему все равно. Он даже не задумывается, откуда этот человек его знает и как рассмотрел серебро под толстой пропотевшей хламидой.

Костлявые пальцы отбирают два шекеля.

— Один — на материал, второй — за работу, — поясняет демонический ювелир.

Забирая кошель, Иегуда касается темной и худой руки ювелира. Она так горяча, что он обжигается. Иуде кажется, что тот на кого-то похож, но не может сообразить на кого.

И снова он бродит по окутаннным мглистыми сумерками улицам, привлекая внимание ночной стражи. Осветив